
Алексей ШИХАЛЁВ

ВОСКРЕС!

Скрипели в избах половицы.
Гнал ветродуй весенний треск.
Кричал парнишка круглолицый:
Воскрес!
Воистину воскрес!

Воскрес! Кричал не умолкая.
Вознесся в Царствие с Отцом!
И радость найденного Рая
В душе звенела бубенцом.

Меж изб, завалинок и печек,
По деревянным мостовым
Бежал счастливый человечек.
И Бог бежал под руку с ним.

Бегу и я,
Веселый,
Станный.
Смеются радостью уста.
Спит город мой обетованный
В ночь Воскресения Христа.

ДЕД

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Дед мой Григорий Егорыч,
Тридцать с копейками лет.

День над излучиной длинный.
Ночь.
Середина реки.
Дед мой в степях Украины,
Пишет войны дневники.

Алексей Павлович Шихалёв родился в 1980 году в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Образование высшее. Инженер. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях России, а также в литературных изданиях Финляндии, Эстонии, Латвии и Казахстана. Живет в Ижевске

Как мне хотелось с тобою
Рядом,
Подставив плечо,
Спать после трудного боя.
Но я
Не родился еще.

Слышу лишь гул долголетий,
Кровь раздается внутри.
Чувствую твой сорок третий,
Сердцем.
И мне сорок три.

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Осень.
Вернулся Егорыч.
Больше вернувшихся нет.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СОН

Лети, мятежная душа,
Иди дорогами прямыми,
В небесный плац вбивая шаг,
Над заводскими проходными,

Над миром, где людской ручей
Спешит домой со смены поздней
И в горнах доменных печей
Уснули утренние звезды.

Притихли шестерни в пазах,
Забег окончили турбины.
Машины спят и видят сны.
Прекрасен тихий сон машинный.

А я на ветреном крыле
Лечу
И думаю о вечном,
Что быть машиной на земле
Добрее,
Даже человечней.

Вращает втулки маховик,
Движение радости природа.

Не для наград,
Не для интриг,
А для развития завода.

ЧАСОВЫЕ

По просторам огромной России,
Вдалеке от житейских морей
На пригорках стоят часовые
В куполах опустевших церквей.

Летний зной да туманы сырые,
Иль февраль ворошит снегопад,
На пригорках стоят часовые,
В тишине их лампы горят.

Здесь, бывало, под звуки гармошки,
Под рязанский цветной хоровод
Заиграют по избам окошки
В православный шестнадцатый год.

Здесь когда-то любили, женились.
«Отче наш», — повторяли уста.
И на Пасху поближе садились,
В каждом доме встречая Христа.

Налетели тревожные годы
Черным солнцем да криком ворон.
И никто не ведет хороводы
На останках забытых имен.

Лишь они православной загадкой
Неизменно стоят на постах
И, огни зажигая в лампадках,
Прячут грозы в огромных крылах.

Для того чтобы помнили люди,
Чтоб вернулись в покинутый дом,
Ты поверь!
И лампада зажжется
Летним вечером в сердце твоём.

ПАМЯТЬ

Вижу белое солнце в зените,
Там под звуки серебряных струн,

Разорвав вековые граниты,
По ущелью грохочет Аргун.

Вижу между высоток палатки,
Закопались в обрывистый склон,
Как огромные дачные грядки,
Только кончился дачный сезон.

Летний дождь да туманы сырые.
Чай индийский на дне котелка.
Мы уходим совсем молодые,
Растворяя в себе облака.

Нас связали суровые нити.
Каждый помнил, и каждый хотел,
Чтобы ты никогда не увидел
В двадцать лет человека в прицел.

МОЛИТВА

Там в тишине у детской колыбели,
Чуть нараспев и слышимы едва,
Кружась в прозрачном воздухе, летели
Лишь к Богу обращенные слова.

В ответ с небес мелодия звучала.
И падал снег,
Все чаще, все сильней.
Природа спит, укрывшись покрывалом
Из кротких слов молитвы Матерей.